

УДК 94(474.3)“1812”

1812 год в контексте исторической памяти латышей (30-е годы XX века. Латвия)

Кузнецова Т.И.
Даугавпилсский университет, Республика Латвия

Целью данной статьи является определение модели самоидентификации латышей, формируемой при изложении событий 1812 года в текстах, имеющих массовую аудиторию. Источниковую базу исследования составляют часто переиздававшиеся в Первой Латвийской республике (1918–1940) школьные учебники по истории Латвии, «Исторические воспоминания», публиковавшиеся на страницах газеты “Brīvā zeme”/«Свободная земля», исторические предания латышей, записанные в Латвии в 30-е годы XX века. Статистический, лексико-статистический и сравнительный анализ выбранных источников позволил выявить, во-первых, формируемую школьными учебниками по истории Латвии этносоциальную идентичность школьной молодежи и пространственную – взрослой аудитории и, во-вторых, несовпадение формируемой и наличной исторической памяти латышей в той ее части, которая связана с событиями войны 1812 года.

Ключевые слова: историческая память, «образ 1812 года», латыши, консолидация, народ, идентичность.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 44–49)

1812 in the Context of Historical Memory of the Latvians (the 30-ies of the XX Century. Latvia)

Kuznetsova T.I.
Daugavpils University, the Republic of Latvia

The article aims at defining the model of self identification of the Latvians, which is formulated while relating the events of 1812 in texts for mass auditorium. The source basis of the research is made up by frequently reedited in the First Latvian Republic (1918–1940) school textbooks on the history of Latvia, “Historical Reminiscences”, which were published in the newspaper “Brīvā zeme”/«Free land», historical tales of the Latvians, written down in Latvia in the 30-ies of the XX century. Statistical, lexical and statistical and comparative analysis of the chosen sources made it possible to find out, first of all, ethnical and social identity of schoolchildren, which is formed by schoolbooks on Latvian history, as well as space identity of adults and, secondly, lack of coincidence of the formed and present historical memory of the Latvians concerning the events of the 1812 war.

Key words: historical memory, “1812 image”, the Latvians, consolidation, people, identity.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 44–49)

Тема исторической памяти сегодня весьма востребована [1]. При этом не все возможные планы и уровни исторической памяти в равной мере привлекают внимание

Адрес для корреспонденции: e-mail: tatjana.kuznecova@du.lv – Т.И. Кузнецова

мание исследователей. Пожалуй, чаще всего «открывают план содержания», т.е. актуализированные факты прошлой социальной реальности или инструменты формирования исторической памяти [2]. Реже исследуются ментальные установки, наличные и закрепляемые печатными текстами, являющимися одним из средств формирования исторической памяти.

Историческая память – это всегда ментальная конструкция, в создании которой «участвует» широкий спектр текстов, различающихся по жанровой принадлежности, степени распространенности, целевой и реальной аудитории и имеющих место быть в каналах устной и письменной коммуникации. Значимость формирования исторической памяти возрастает в периоды становления нации, образования государственности, социально-политических кризисов, когда именно она – историческая память – становится одним из важнейших идеологических средств консолидации общества в целом или отдельных его сегментов. Особой остротой проблема формирования исторической памяти обладала в Латвии, коренное население которой – латыши – не имело собственной государственности до провозглашения создания государства 18 ноября 1918 года. Об осознаваемой значимости исторической памяти в деле консолидации латышей свидетельствуют, в частности, зафиксированные в воспоминаниях А. Кливе сетования К. Улманиса (лидера ведущей политической партии – Латышского Крестьянского Союза, организатора государственного переворота в мае 1934 года, президента страны с 1936 года), относящиеся к 1929 году и пробуждающие интерес к историческому прошлому латышей: «Нет ничего объединяющего народ, непреходящего, вечного. Нет ничего особенного, только для нас характерного. Нет ни прошлого, ни будущего... С образованием Латвии латыш со всеми для него характерными положительными качествами как будто исчез в обществе и вместо него появился какой-то неопределенный, «универсальный» гражданин, у кото-

рого нет ни Латвийского неба над головой, ни Латвийской земли под ногами» [3, с. 252].

Поискам корней, объединяющего начала отвечало и расширение сферы исторической информации на страницах газеты «Brīvā Zeme»/«Свободная земля» [1, с. 100, 107, 108]. Газета, будучи партийным изданием Латышского Крестьянского Союза, тем не менее, сохранила свои позиции в информационном пространстве страны даже после переворота, совершенного К. Улманисом. Стабильное преобладание исторической информации над материалами политического и экономического характера, публикация с 1928 года на последней странице газеты «Исторического календаря», который при практически неизменном его фактологическом содержании с 1931 года стал называться «Историческими воспоминаниями», создали для этого необходимые условия. Сама смена названий указывает на стремление создать интегрированное знание прошлого, что вкупе с лапидарной, эмоционально сухой, в отличие от эмоционального потенциала названия рубрики, информацией проявляет тенденцию формирования не столько исторического сознания, сколько исторической памяти. О том же говорят многочисленные учебники по истории Латвии, ряд из которых переиздавался неоднократно. Так, например, учебник Фр. Залитиса по истории Латвии для основной школы в 1937 году был издан уже в 10-й раз, а для средней школы – в 8-й раз. Примечательно, что первый из учебников был переиздан в эмиграции в 1947 году, а второй в очередной раз выпущен в свет в 1996 году в Латвии. Это придает особое значение именно этим учебным книгам как средствам формирования исторической памяти латышей.

Содержание исторической памяти составляет не сущностное, а феноменное знание (потому эмоционально насыщенное) о себе и других. Как отметил М. Ферро, «история в том виде, как ее рассказывают детям, да и взрослым, позво-

ляет одновременно узнать и то, что общество думает о себе, и то, как изменяется его положение с течением времени» [4, с. 9]. Т.е. историческая информация, содержащаяся в текстах, адресованных массовой аудитории, «задает» определенную модель мироотношения, модель самоидентификации индивида и человеческой общности/общества.

Цель данной статьи – определение «содержания» формируемой исторической памяти латышей о 1812 году и соответственно «отраженного» в этом содержании и форме его подачи внушаемого представления о латышах.

Материал и методы. Источниковую базу исследования составляют неоднократно переиздававшиеся в Первой Латвийской республике (1918–1940) школьные учебники по истории Латвии, «Исторические воспоминания», публиковавшиеся на страницах газеты “Brīvā Zeme”/«Свободная Земля», исторические предания латышей, фиксирующие наличную историческую память о событиях 1812 г.

Цель и выбранные источники обусловили использование в работе таких методов анализа, как статистический, лексико-статистический, контекстуально-семантический и сравнительный.

Результаты и их обсуждение. Итак, каков «образ» 1812 года в некоторых, имеющих широкое бытование, учебниках по истории Латвии и «Исторических воспоминаниях», публикуемых в газете “Brīvā Zeme”/«Свободная земля», и какова его корреляция «образу» 1812 года в исторических преданиях?

Прежде всего, заметим, что 1812 год не обойден вниманием, но информация о нем подается в различном контексте. В рассматриваемых учебниках по истории Латвии – в контексте освобождения крестьян и ухудшения их материального положения, на что указывает размещение материала о 1812 году. В учебниках, написанных Фр. Залитисом, он, объемом в 125 слов (в учебнике для основной школы) [5, с. 146] и 157 слов (в учебнике для средней школы) [6, с. 187], расположен в разделе под названием “Krievu

valdība Latvijā”/«Русское управление в Латвии» в теме “Zemnieku brīvlaišana Igaunijā, Kurzemē un Vidzemē”/«Освобождение крестьян в Эстонии, Курземе и Видземе». В учебнике для средней школы раздел имеет другое название “Liels agrāro reformu laikmets”/«Великая эпоха аграрных реформ», которое, однако, сохраняет крестьянский контекст всей излагаемой исторической информации. Подобное оформление материала закладывает в сознание (скорее – подсознание) учащегося представление о том, что население Латвии состоит только из крестьян. Сведения о 1812 году находятся в подглавке, которая в обоих учебниках именуется одинаково: “Franču kara notikumi”/«События французской войны». О том же свидетельствуют исторические предания, записанные в 30-е годы XX века на территории Латвии от людей примерно 50-летнего возраста [7, с. 365, 370]. Таким образом, 1812 год предстает временем французской войны. Примечательно использование при характеристике воюющих сторон не названий государств, а этнонимов (французы, русские, пруссаки). Например: «В ожидании французов уже весной 1812 года в Курземе собралось много русских войск... когда в июне русские поспешно отступили... Тогда в Курземе вошли войска французов, которые по большей части состояли из прусских воинов», «Пройдя Курземе, пруссаки дошли до самой Риги...». Такое описание противников в войне при отсутствии этнонима «латыши/латышский» в отношении к крестьянству, материально страдающему от реквизиций, задает этническую призму восприятия людской общности, в частности местных жителей – крестьян. Так неявно, но реально молодым людям – учащимся – предлагалось ощущать/осознавать себя крестьянами-латышами.

Название главки, посвященной «французской войне», акцентирует события. Но что есть событие? Событием предстают материальные потери крестьян, которые они понесли в результате реквизиций, проводимых как русскими,

так и французами/пруссакими.

Так, оба учебника, написанные Фр. Залитисом по истории Латвии, общаются: «Крестьянам для нужд русских войск нужно было отдать коней, телеги, скот и продовольствие. Когда в июне русские поспешно отступили, от крестьян потребовали около 25000 человек для выполнения гужевой повинности, и им надо было следовать за армией многие сотни верст. Для французских войск также надо было предоставлять продовольствие и выполнять различные военные повинности» [5, с. 146; 6, с. 187]. Такое описание, которое заканчивается констатацией того, что «от всего пережитого особенно сильно пострадало хозяйственное благосостояние крестьян» [5, с. 146; 6, с. 187], неявно отмечает зажиточность крестьян, их достаточно высокий уровень материального благополучия. В итоге же формировалось представление о хозяйственной состоятельности крестьян, прежде всего в Курземе. Однако оно не вполне отвечало представлениям, хранящимся в наличной исторической памяти жителей Латвии (причем этой же ее части – Курземе), о которой свидетельствуют исторические предания.

Лейтмотивом исторических сказаний, связанных с «французской войной», являлись богатства французов, которые, будучи найденными, становились источником обогащения нашедших их. Так, например, 52-летний житель Добеле в 1936 году рассказывал следующее: «Во время великой французской войны, которая прошла через Курземе, французы расположились у реки Иецува и построили траншею недалеко от Гарозского волостного дома. Дальше французы продвинуться не могли, с собой взять ничего не могли и оставить тоже не хотели; тогда они все свои деньги засунули в ствол пушки и утопили ее в реке Иецува у хутора Намеки; чтобы потом можно было бы найти спрятанное, французский офицер вонзил меч в ближайшую сосну и сломал его. И так прошло много времени: сосна росла, выросла толстая, скрыла вонзенный в нее меч, и никто больше не знал, в каком месте спрятаны

деньги. Когда случайно рубили лес и хозяин хутора Намеки нашел в сосне кусок меча, вспомнили о спрятанных в стволе пушки деньгах, которые тогда нашли и вытащили. С того времени хозяин хутора Намеки стал богат» [7, с. 365].

Второе событие, о котором следует помнить, согласно учебникам Фр. Залитиса, – это сожжение предместий Риги, в результате чего примерно третья часть всех жителей города осталась без крова и продовольствия.

Таким образом, отбор событий «французской войны» в рассматриваемых учебных книгах по истории Латвии, как для основной, так и для средней школы, формировал представление о населении будущей Латвии как о пассивном, страдающем от воздействия чужих, враждебных друг другу сил, объекте. Следует отметить, что это внедряемое в сознание/подсознание молодежной аудитории представление не вполне соответствовало наличной исторической памяти. Она фиксировала, например, факты участия местных крестьян совместно с воинами в преследовании французов [7, с. 366]. Однако заложенная в 30-е годы XX века в память учащихся модель социальной самоидентификации проявляется, нередко, и сегодня в работах историков Латвии [8, с. 9; 9, с. 178].

Исторические же воспоминания, опубликованные в 30-е годы каждый день в газете «Brīvā Zeme»/«Свободная земля», организованные по хронологическому принципу, были призваны, по выражению И.Г. Дройзена, заполнить «пустоту минувшего» [10, с. 61]. Оставаясь неизменными в своей содержательной части, они, обращаясь к взрослой аудитории, несколько иначе расставляли акценты. Так, например, «Исторические воспоминания» в 1934 году включали в себя 1666 информационных единиц, 776 из которых относились к событийной истории, причем 159 из них были связаны с фиксацией военных действий. В канве событийной истории наиболее частотными являлись 1919 (66 упоминаний), 1920 (29 упоминаний), 1918 (24) и 1812 год, упомянутый 20 раз [11]. Т.е. 1812 год является одним из наи-

более часто упоминаемых, что указывает на его немалое значение в формировании исторической памяти читательской аудитории. Все упоминания 1812 года привязаны к военным действиям на территории Латвии. При этом военные действия представляют собой, прежде всего и главным образом, стремительное продвижение франко/прусских войск, занятие ими городов и местечек на территории Латвии, а также потери русских.

Так, например: «– 10 августа. Бои французских и русских войск у Доле, Олайне; – 15 сентября. Началась битва у Бауски, которая после четырех дней закончилась победой наполеоновских войск над русскими; – 17 сентября. Русские войска изгоняют пруссаков из Слокки; – 3 ноября. Начались четырехдневные бои у Добеле, Яунелгавы, Вецмуйжи и Иецавы, в которых войска Наполеона наносят тяжелое поражение русским». Таким образом, тексты, адресованные взрослой аудитории и акцентирующие внимание на сражениях между воюющими сторонами, во-первых, создавали образ Латвии как проходной территории, как арены кровопролитных боев, ведущихся чужими силами. Во-вторых, подобной фиксацией мест формировали представление о «нашем» пространстве – едином в его конкретной множественности, что служило некоторому ослаблению локальных связей, доминировавших в самоощущении жителей Латвии. Этому же намерению, соответствующему политике объединения общества, прежде всего его латышского сегмента, отвечал и высокий уровень частотности упоминания в «Исторических воспоминаниях» топонимов. Так, в «Исторических воспоминаниях», опубликованных в “*Brīvā Zeme*”/«Свободная земля» в 1934 году, они встречаются 805 раз, причем частотность их увеличивается именно во втором полугодии, т.е. после государственного переворота и провозглашения курса на единение народа (в первом полугодии топонимы упоминались 249 раз, во втором – 456). Чаще всего упоминалась Рига (в первом полугодии – 105 раз, во втором – 204), что создавало образ, остающийся в

силе и сегодня, центростремительного организованного общества. Насыщенность «Исторических воспоминаний», и особенно их части, посвященной «вторжению Наполеона в Россию», топонимами внушало читателям теллургическое видение государственности, т.е. отождествление его с территорией, землей.

Общим же в изложении «событий французской войны» является заметная деперсонализация истории, создававшаяся отсутствием упоминаний личностей в описании событий, за исключением Наполеона, имя которого стало символическим обозначением как воюющей армии, так и государства. Безличность информации о 1812 годе, пожалуй, соотносилась с заметной с конца XIX века переориентацией с индивида на народ, что проявилось, например, и в картинах импрессионистов (например: Клод Моне – Улица Сен-Дени. Праздник 30 июня 1878 г. [13, с. 229]; Пьер Огюст Ренуар – Бал в Мулен де ла Галет [12, с. 202]; Клод Моне – Вокзал Сен-Лазар [12, с. 203] и др.) и в философском осмыслении феномена массы [13, с. 40–228], равно как и осмысление народа как коллективной личности [14, с. 116 и далее]. О значимости этой духовной переориентации и в Латвии свидетельствует, например, речь президента страны К. Улманиса на открытии Первой конференции историков Балтии, состоявшейся в Риге в августе 1937 года. Так, он сказал: «...в конце мировой войны вынырнуло новое понятие, которое, хотя и было известно раньше, еще не приобрело всего своего значения. Это понятие народа. Народ, который в 19 столетии был скорее этническим обозначением, обрел политические права... Современная эпоха признает народ синтезом массы и политики» [15]. И на вопрос «Кто делает историю?» – К. Улманис дал однозначный ответ – «Народ». Апология народа как коллективной личности – творца истории, которую в силу этого можно и должно любить, станет лейтмотивом идеологии авторитарного режима, начало которому положит государственный переворот, совершенный К. Улманисом 15 мая 1934 года.

Заключение. Таким образом, анализ различных по целевой аудитории вербальных средств формирования исторической памяти и сравнение ее с наличной исторической памятью латышей позволяет заключить, что, во-первых, формируемая школьными учебниками по истории Латвии историческая память юношества была ориентирована на этносоциальную идентичность, тогда как текстами, адресованными взрослой аудитории, акцентировалась идентичность пространственная и, во-вторых, имел место зазор между формируемой и наличной исторической памятью латышей.

Литература

1. Кузнецова, Т.И. История на страницах “Brīvā zeme” (1929): некоторые особенности подачи информации в историческом календаре / Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XII Zinātniskie lasījumi: Vēsture VI (I). – Daugavpils: DU „Saule”, 2003. – 100. – 109. lpp.
2. Арнаутова, Ю.Е. Мемориальные аспекты иконографии святого Гангульфа / Ю.Е. Арнаутова // Одиссей. – 2002. – С. 53–75.
3. Klīve, A. Latvijas neatkarības gadi. [B.v.]: Grāmatu Draugs, 1976. – 508 lpp.
4. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / М. Ферро. – М.: Высшая школа, 1992. – 351 с.
5. Zālītis, Fr. Latvijas vēsture pamatskolai. – Rīga: Valtera un Rapas akc. sab. apgāds, 1937. – 282 lpp.
6. Zālītis, Fr. Latvijas vēsture vidusskolai. – Rīga: Valtera un Rapas akc. sab. apgāds, 1996 (1937). – 337 lpp.
7. Latviešu tautas teikas: Vēsturiskās teikas. – Rīga: Zinātne, 1989. – 462 lpp.
8. 20. gadsimta Latvijas vēsture I: Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai 1900. – 1918. – Rīga: Latvijas Vēstures institūta apgāds, 2000. – 1022 lpp.
9. Feldmanis, I. Latvija vācu okupācijas laikā (1941.–1945. gadā): aktuālās izpētes problēmas // Totalitārie režīmi un to represijas. – Rīga: Latvijas Vēstures institūta apgāds, 2001. – 173. – 184. lpp.
10. Дройзен, И.Г. Энциклопедия и методология истории / И.Г. Дройзен // Историка. – СПб.: «Владимир Даль», 2004. – С. 41–448.
11. Brīvā Zeme, 1934.
12. Ревалд, Дж. История импрессионизма / Дж. Ревалд. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
13. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991. – С. 40–228.
14. Карсавин, Л.П. Философия истории / Л.П. Карсавин. – СПб.: АО «Комплект», 1993. – 351 с.
15. Ulmanis, K. Valsts Prezidenta K. Ulmaņa atklāšanas runa Pirmā Baltijas vēsturnieku konferencē Rīgā, 1937. gada 16. augustā. – 2. lpp.

Поступила в редакцию 27.02.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.